

- ⁸⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 50. 1804 г. Представление Петербургского цензурного Комитета попечителю Петербургского учебного округа Строганову о запрещении сочинений Пнина.
- ⁸⁸ Журнал российской словесности. 1805. Ч. 3, № 12. С. 161–168.
- ⁸⁹ Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому // Старина и Новизна. 1898. № 2. С. 237.
- ⁹⁰ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 64. Предписание министра народного просвещения попечителю Санкт-Петербургского учебного округа о запрещении печатания в периодических изданиях статей политического содержания.
- ⁹¹ П. Строганов во время пребывания во Франции вступил в клуб «друзей закона», основанный Роммом 10 января 1790 г. Ромм особенно настаивал на заседаниях своего клуба на «свободе печати» и «гражданских правах». См.: *Вел. кн. Николай Михайлович. Граф П. А. Строганов. Историческое исследование эпохи Александра I.* СПб., 1903. С. 66.
- ⁹² РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 8.
- ⁹³ Там же. Л. 5, 6.
- ⁹⁴ Там же. Л. 11, 16, 16 об.
- ⁹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 8. Л. 5, 5 об., 6, 6 об., 11, 11 об., 16, 16 об., 22, 22 об.
- ⁹⁶ Там же. Л. 63–63 об.
- ⁹⁷ Там же. Л. 69–69 об.
- ⁹⁸ Там же. Л. 70–73, 76.
- ⁹⁹ Там же. Л. 118.
- ¹⁰⁰ О командировании цензора Яценкова для осмотра вместе с полицией книжного магазина Тейлена. Ф. 777. Оп. 1. 1807. Д. 31.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 733. Оп. 1. Д. 18.
- ¹⁰² Там же. Оп. 118. Д. 91.
- ¹⁰³ Русская старина. 1870. Т. 1–6. С. 478. С 1812 г. военные известия рассматривались особой цензурой. См.: Положение о цензуре Военно-ученого комитета. ПСЗ Российской империи : в 45 т. Т. XXXII, № 24971.
- ¹⁰⁴ *Бокова В. М. Беспокойный дух времени.* С. 37.
- ¹⁰⁵ *Краутхайм Х. И. Указ. соч.* С. 386.
- ¹⁰⁶ *Семевский И. Из истории общественных течений в России в XVIII и XIX вв. // Историческое обозрение.* 1897. Т. 9. С. 272–273.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ *Тютюкин С. В. Интеллект, побежденный властью: Александр I и М. М. Сперанский // Власть и интеллект в императорской России // Отечественная история.* 2005. № 4. С. 29–35.
- ¹⁰⁹ *Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч.* С. 21, 22.
- ¹¹⁰ *Вигель Ф. Ф. Указ. соч.* С. 224.
- ¹¹¹ Цит. : *Шильдер Н. К. Указ. соч.* С. 141.
- ¹¹² *Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч.* С. 21.

УДК 94(47).082

АГРАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРАВИТЕЛЬСТВА АЛЕКСАНДРА III И РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Д. Д. Тимиржанов

Саратовский государственный университет
E-mail: gorkschool@mail.ru

В статье исследуется социально-экономическая обстановка в России конца XIX века. Анализируются последствия мероприятий центральной и местной власти в российской деревне. Показано, что реформы властей ухудшали положение крестьян.

Ключевые слова: аграрное законодательство, крестьянство, реформы, Александр III, аграрная политика.

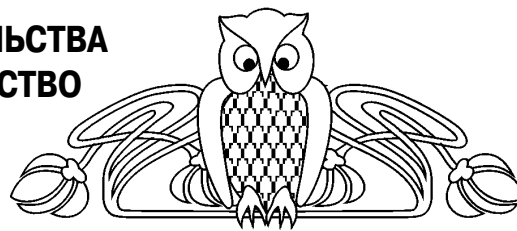
The Agrarian Legislative Government of Alexander III and the Russian Peasantry

D. D. Timirjanov

The main object of the article is the socio-economic situation in Russia in the end of 19th century. The measures of the central and local administration, applied in the Russian village, have been analyzed within this research. The author resumes that the reforms of the authorities had made the position of the peasantry more complicated.

Key words: agrarian legislation, peasants, reform of Alexander III, Agricultural Policy.

В годы царствования Александра II некоторые сановники, местная администрация, поместное

дворянство и значительная часть отечественной интеллигенции требовали от правительства более активного участия в регламентации аграрных отношений. После событий 1 марта 1881 г. эти требования оказались созвучны представлениям большинства сановников Российской империи. Александр III и его ближайшие помощники проповедовали идею государственного патернализма над общественно-экономической жизнью. Наиболее полно этот подход отразил в своей записке «О финансовой политике России» министр финансов Н. Х. Бунге: «...от правительства требуется не столько материальная помощь, как установление надлежащего порядка»¹.

Для разрешения аграрной проблемы он считал необходимым начать продажу казенных земель, кампанию по переселению избыточного крестьянского населения в Сибирь, упорядочить и сделать равномерным налогообложение различных разрядов крестьян². По этому вопросу к Бунге был близок лидер консервативного крыла

российской бюрократии конца XIX – начала XX в. В. К. Плеве. В письме А. А. Кирееву он писал, что главная задача государства – ликвидировать диспропорцию между социально-экономическим устройством пореформенной деревни и законодательством, во многом оставшимся неизменным со времен крепостного права³.

С мнением высших чиновников империи было согласно большинство губернаторов. Отвечая в начале правления Александра III на распросный лист Министерства внутренних дел, большинство губернаторов рекомендовало центральной власти усилить политику государственного попечительства над российской деревней⁴. В эти же годы саратовский губернатор А. И. Косич опубликовал записку относительно положения дел в саратовской деревне и предложения, каким образом возможно улучшить ситуацию. «Дело не в самой земле и ее количестве, а в приложении к ней труда, средств, знаний. Рачительный хозяин и с малым наделом может все-таки добыть себе заработок ... недостаток надела ведет к увеличению энергии и стараний. Может быть, на этом основании малоземельные крестьяне вообще умственно более развиты»⁵.

Правительство откликнулось на этот призыв. В 80-х – первой половине 90-х гг. XIX в. был принят ряд законопроектов, усиливающих государственный диктат над крестьянским миром.

В 1885 г. Александр III подписал закон, который получил в отечественной литературе название «Закон о семейных разделах». С его помощью правительство надеялось установить надежный барьер на пути мобилизации наделной земельной собственности. По данным отечественных демографов и статистиков, в пореформенной России рост крестьянского народонаселения опережал объемы земель, вводимых в сельскохозяйственный оборот. В Саратовской губернии это соотношение выглядело как 2,72 : 1⁶.

В то же время отечественная промышленность не могла принять и трудоустроить всю массу вчерашних крестьян⁷. В отличие от Германии, Англии и Франции, где политика огораживания и другие мероприятия могли быть оправданы с исторической точки зрения, Россия, будучи страной «второго эшелона перехода к капитализму», не нуждалась в массовом обезземеливании. «Для современных условий его (капитализма. – Д. Т.) развития ... нет надобности в ... насильственном обезземеливании, так как, с одной стороны, то количество рабочих рук, которое разными путями освобождается, <...> более чем достаточно для потребностей растущего капитализма. ... С другой стороны, <...> теперь как источник производства ... земля ... совершенно не нужна капиталу, не нужно ему и лишать крестьян земли, так как в рабочих руках недостатка уже нет, и не может быть»⁸.

Подобное развитие придавало дополнительную уверенность Министерству внутренних дел

в его надеждах приостановить процесс редукции крестьянского наделного землевладения. Д. А. Толстой стремился таким образом поставить практику фамильных разделов под прочный административный контроль, искусственным образом содействовать сохранению большой патриархальной семьи.

Серьезных позитивных результатов «Закон о семейных разделах» принести не смог. По данным А. М. Анфимова, около 1/3 всех разделов в России конца XIX в. происходило в обход закона⁹. Даже официальные органы власти были вынуждены со временем признать провал «Закона о семейных разделах»¹⁰.

С проектом закона о земских начальниках министр внутренних дел Д. А. Толстой впервые ознакомил своих коллег 2 апреля 1886 года. В этот день обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев, министр государственных имуществ М. Н. Островский и министр юстиции Н. А. Манасеин получили законопроект, разработанный А. Д. Пазухиным. Ведомство Толстого предлагало: 1) объединить судебную и административную власть в деревне в руках земских начальников; 2) ликвидировать в деревне институт мирового суда; 3) реорганизовать земскую управу, преобразовав ее в присутствие, состоящее из членов местной администрации и двух представителей от земства¹¹.

К. П. Победоносцев и М. Н. Островский встретили идею Д. А. Толстого сдержанно-настороженно. Резко против законопроекта выступил Н. А. Манасеин. Он утверждал, что надзор за крестьянскими учреждениями должен по-прежнему оставаться в компетенции мировых судей, а органы местного самоуправления должны влиять на избрание должностных лиц. Кроме того, министр юстиции был против предполагаемой передачи судебных полномочий из его ведомства в ведение Министерства внутренних дел¹².

Реакция Победоносцева, Манасеина и Островского не остановила Толстого. Осенью 1886 г. он собирает Особое совещание в своем министерстве, посвященное обсуждению основных положений закона. Особое совещание практически единогласно выступило за принятие подобного юридического акта¹³. Против оказался только А. Р. Шидловский (известный земский деятель), который утверждал, что «ни в отечественном, ни в иностранном законодательстве нельзя найти примера, представляющего столь обширные полномочия не только отдельным должностным лицам, но даже целым коллегиям»¹⁴.

Опираясь на мнение большинства членов Особого совещания, 18 декабря 1886 г. Д. А. Толстой ознакомил Александра III с основными тезисами возможного законопроекта. В своей записке, адресованной императору, он писал, что необходимо для заведования крестьянскими делами создать особый административный орган с единоличной властью. Земство, по мнению Д. А. Толстого,

должно быть как можно скорее введено в структуру органов государственной власти. Министр требовал от царя усилить роль и авторитет его ведомства в крестьянском вопросе, ограничить выборное начало в органах местного самоуправления в пользу бюрократического «назначенчества», для стабилизации внутривластной ситуации усилить роль дворян в общественно-экономической и политической жизни страны¹⁵.

Главный недостаток системы власти пореформенной России Д. А. Толстой видел в ее децентрализации. В докладной записке императору в конце 1886 г. он предлагал произвести централизацию властных структур, осуществляющих контроль жизни русской деревни по бюрократическому принципу, предлагая взять за образец институт земских начальников. Александр III в целом воспринял тезисы Д. А. Толстого благожелательно¹⁶, после чего последний уже официально передал проект закона о земских начальниках для обсуждения своим коллегам¹⁷.

На этой стадии закон о земских начальниках столкнулся с серьезнейшей критикой. Так, Б. П. Мансуров (статс-секретарь Государственного совета) утверждал, что «необходимо отделить административную власть от власти судебной, а не сблизить <...>, что касается сословного характера <...>, предложение это принадлежит к числу таких вещей, которые делаются, но не проводятся в законодательном акте»¹⁸. Видный деятель периода царствования предыдущего императора барон А. П. Николаи, вообще выступил против сословного характера закона. По его мнению, «новое учреждение есть не что иное, как косвенное восстановление вотчинной полиции»¹⁹. Также против закона выступил министр двора, человек, приближенный к Александру III, И. И. Воронцов-Дашков. Он предложил отказаться от сословного принципа и предать институту земских начальников общеадминистративную компетенцию. В противном случае, по его мнению, «еще более увеличится многоначалие учреждений в суде, взамен одного коллегиального крестьянского присутствия, несколько самостоятельных обладающих обширной властью и никому не подчиняющихся кроме губернатора земских начальников»²⁰. Наиболее аргументированными были возражения Н. А. Манасеина. Он утверждал, что институт земских начальников надо вводить в комплексе с целым рядом других усовершенствований крестьянской жизни в России. Между тем представленный Д. А. Толстым проект не предусматривал такой возможности. Н. А. Манасеин резко выступил против тезиса министра внутренних дел, что причина неудовлетворительного положения дел в деревне – в слабости региональной бюрократии, а также против предания земским начальникам судебных функций²¹.

Таким образом, мы видим, что уже во время предварительного обсуждения закон столкнулся с ожесточенной критикой. Poleмика шла по всем

направлениям: и касательно сословного характера будущего закона, и касательно совмещения земскими начальниками судебных и административных полномочий, и относительно объема компетенции будущих администраторов.

Поэтому решение Соединенных департаментов Государственного совета было достаточно противоречивым. Семь его членов полагали, что закон должен касаться только крестьян. Восемнадцать считали, что институт земских начальников должен превратиться в орган общеадминистративной власти. Столько же членов Государственного совета выступило с особым мнением: «...образование земских начальников на почве крестьянских учреждений легко может быть объяснено в смысле меры, направленной к восстановлению власти, хотя бы в измененном виде, тех прав дворянства, которые утрачены <...> с освобождением <...> от крепостной зависимости и, во всяком случае, как закон вредный для полноправного крестьянства и его самоуправления»²². Таким образом, с юридической точки зрения, члены Соединенных департаментов не пришли к какому-то единому решению, передав дело на рассмотрение Общего собрания Государственного совета. На заседании 16 января 1889 г. тридцать девять членов Государственного совета решительно выступили против законопроекта Д. А. Толстого, тридцать – поддержали министра внутренних дел. 29 января 1889 г. император присоединился к мнению меньшинства, что узаконило Положение о земских начальниках.

Анализ дебатов при принятии закона о земских начальниках позволяет определить две возможные версии интенции закона. Одна из них принадлежала А. П. Николаи, другая – тем членам Государственного совета, которые выступили против проекта Д. А. Толстого, опасаясь, что закон может нарушить хрупкую социальную стабильность, установившуюся в обществе.

При всей внешней схожести оценок Николаи и тех членов Государственного совета, которые считали, что закон может быть легко объяснен в смысле меры, направленной на восстановление в деревне власти дворян-помещиков, между двумя этими высказываниями больше противоречий, чем точек соприкосновения. Члены Государственного совета полагали, что закон о земских начальниках легко может показаться мерой, направленной на восстановление дореформенного положения. Однако казаться – не значит быть, то есть внутренняя интенциональность закона о земских начальниках не обязательно должна абсолютно соответствовать его внешним проявлениям и тем более восприятию законопроекта обществом.

Действительно, для того чтобы стать земским начальником, необходимо было принадлежать к дворянству, хотя и здесь Толстой предусматривал определенные исключения²³. Однако, став земским начальником, дворянин автоматически превращался в государственного служащего. В

этом качестве он наделялся ответственностью не перед своим сословием, а перед вышестоящими бюрократическими организациями²⁴.

Само дворянство прекрасно осознало эту дилемму. Многие его представители неоднократно жаловались, что дворянин, став земским начальником, как бы перестает быть по образу своего политического поведения дворянином в глазах других представителей своего сословия. В то же время в представлении крестьян он остается таковым²⁵. Отсюда неудивительно разочарование А. Д. Пазухина, который утверждал, что окончательный вариант закона не имеет ничего общего с первоначальным, им предложенным²⁶.

Рискнем предположить, что подобная ревизия изначально действительно продворянского закона не была случайной. Бюрократия желала, чтобы разрешением таких болезненных вопросов общественной жизни, как надзор за сословными крестьянскими учреждениями, принятие судебных решений по маловажным гражданским и уголовным делам и, в первую очередь, разрешение аграрных конфликтов было в руках чиновников, которые бы ассоциировались у темной и невежественной массы российской деревни с ее извечным оппонентом – помещиком.

Естественно, в нашем распоряжении нет источников, которые свидетельствовали бы о подобных замыслах правительства. Однако сам характер правительственной политики в пореформенной России наводит на такие мысли. Так, для проведения в жизнь положений реформы 19 февраля 1861 г. власть создала особый институт мировых посредников. Они также рекрутировались из сословия дворян-помещиков. Между тем сам характер реформы 1861 г. предполагал недовольство ее основных фигурантов – помещиков, так как они были лишены права вотчинной юрисдикции над крестьянами, и крестьян, поскольку многие из них в ходе реформы лишились части своего земельного надела.

Таким образом, мы не можем согласиться с мнением о сословном характере закона о земских начальниках. Этот законодательный акт имел только антураж продворянского закона.

Интенцию положения о земских начальниках прекрасно демонстрирует сам текст закона: «Равным образом допускается и разрешается разъяснение земским начальником суду узаконений, которые относятся к рассматриваемым судом делам»²⁷. Источник свидетельствует, что правительство своей целью видит поставить судебные органы власти под административный контроль земского начальника. Причем, согласно наказу о его полномочиях, он наделен правом безапелляционно отвергать жалобы²⁸. Для этого власть административным образом (фактически произвольно) присвоила себе право разъяснять, т. е. менять, принципы общественного общежития. Согласно тексту закона, земский начальник получал подобную возможность не на основании

закона, а в силу «необходимости»²⁹. На основании этого можно сказать, что власть не хотела нормального функционирования структур, которые включались бы в общественную систему. Нормальное действие общественных структур возможно только в том случае, если социальная система четко структурирована, а ее механизм ясен и предсказуем. Таким образом, интенция закона о земских начальниках заключается в создании общественно-политической структуры с размытыми и нечеткими принципами функционирования. Естественно, в подобной ситуации автоматически возрастает роль административно-исполнительных органов власти.

Другим важнейшим актом аграрного законодательства царствования Александра III стал закон об установлении двенадцатилетнего срока общинных переделов. Согласно закону от 8 июня 1893 г., срок действия передела определен в 12 лет. Курировать передел обязан земский начальник, который определял его целесообразность и следил за тем, чтобы не было частых переделов³⁰.

Закон об общих переделах вызвал ожесточенную полемику в обществе. Оппоненты такого обычая утверждали, что из-за этого невозможно даже элементарное улучшение крестьянского хозяйства. Переделы, с их точки зрения, вели только к росту аграрных цен и количества необрабатываемых земель и чересполосице – бичу крестьянского землевладения. Как подтверждение этого приводился такой пример: «В Саратовской губернии имеются наделы, состоящие из ста и более узких аршинных полос»³¹.

Сторонники общинных переделов утверждали, что многопольная система ведения хозяйства, невозможная при переделах, предполагает ускоренное развитие скотоводства и технических культур. В конкретных реалиях России конца XIX – начала XX в. это не могло заинтересовать крестьянство, так как не давало постоянной и устойчивой прибыли. В России, где неурожаи случались с завидным постоянством, по их мнению, не было более надежного средства стабилизировать крестьянское хозяйство и не допустить губительных последствий. Кроме того, сторонники переделной системы крестьянского землепользования утверждали, что в условиях низких цен на сельскохозяйственную продукцию, отдаленности рынков, плохих путей сообщения и т. д. для сельского хозяйства жизненно важно снижение издержек производства, а не попытки улучшить землепользование³².

Можно предположить, что реформа 1861 г. в отношении крестьянского наделного землевладения имела двойственный характер. С одной стороны, сократился объем крестьянского землевладения и исчез разряд многоземельного крестьянства.

С другой стороны, в менталитете российско-го крестьянства было стойкое отторжение идеи частной собственности на землю. То есть отече-

ственное крестьянство конца XIX – начала XX в. не желало воспринимать землю рационально-прагматическим образом, как вещь. Вне всякого сомнения, элемент иррационализма здесь был весьма значителен. Именно этим, на наш взгляд, объясняется отсутствие прямой или опосредованной связи между количеством и временем переделов и степенью наделенности крестьян землей.

Вместе с тем в XIX в. в России наблюдается бурный рост народонаселения. В итоге, как ни старались крестьяне увеличить количество земель, вовлеченных в сельскохозяйственный оборот, темпы этого процесса уступали динамике прироста народонаселения. К концу XIX в. возможности экстенсивного развития сельского хозяйства, когда прирост аграрной продукции мог быть осуществлен благодаря вовлечению в сельскохозяйственный оборот все новых и новых территорий, были исчерпаны. Все это до крайности осложняло для российского крестьянства возможность реализации безболезненного варианта аграрной реформы.

Примечания

- 1 Бунге Н. Х. О финансовой политике России // Исторический архив. М., 1960. С. 130–145.
- 2 См.: Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 61.
- 3 См.: Письмо В. К. Плеве – А. А. Кирееву // Красный архив. М., 1926. Т. 5. С. 202–203.
- 4 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 4. Л. 72–73.
- 5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4446. Л. 199 об–200.
- 6 См.: Материалы для оценки земель Саратовской губернии. Саратов, 1902. Вып. 1. Ч. 1. С. 125.

- 7 См.: Каблуков Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М., 1910. С. 194–206.
- 8 Там же. С. 202–203.
- 9 См.: Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство. М., 1980. С. 25.
- 10 См.: ГАСО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5806. Л. 1–348.
- 11 См.: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX века. М., 1970. С. 360–366.
- 12 Там же. С. 369.
- 13 Там же.
- 14 РГИА. Ф. 598. Оп. 241. Д. 51. Л. 27–29.
- 15 См.: Дневник государственного секретаря А. А. Половцева / под ред. П. А. Зайончковского. М., 1961. Т. 2. С. 571–575.
- 16 См.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 375.
- 17 Там же. С. 377.
- 18 ОР РГБ. Ф. 120. Д. 19. Л. 101.
- 19 Цит. по: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 377.
- 20 Там же.
- 21 ОР РГБ. Ф. 120. Д. 19. Л. 101.
- 22 Цит. по: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 377.
- 23 См.: ПСЗ-III. Т. XIII. Отд. I. № 52941.
- 24 См.: Макарин А. В. Бюрократия в системе политической власти. СПб., 2000. С. 10.
- 25 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2234. Л. 166–170 (об.)
- 26 См.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 377.
- 27 ПСЗ-III. Т. XIII. Отд. I. № 52941.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 ПСЗ-II. Т. 13. № 9754.
- 31 РГИА. Ф. 560. Оп. 2. Д. 604. Л. 6 (об).
- 32 См.: Анфимов А. М. Указ. соч. С. 100–104.

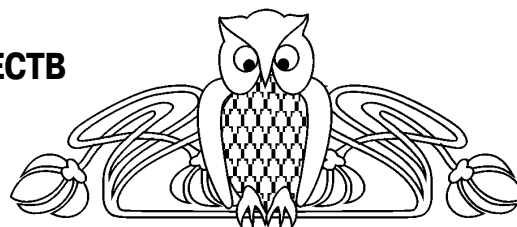
УДК 94(47)

«ПРАВИЛА ОЦЕНКИ НЕДВИЖИМЫХ ИМУЩЕСТВ ДЛЯ ОБЛОЖЕНИЯ ЗЕМСКИМИ СБОРАМИ» 8 ИЮНЯ 1893 ГОДА И ИЗМЕНЕНИЕ ЗАДАЧ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ

С. В. Лёвин

Саратовский государственный университет
Балашовский филиал
E-mail: Serg.Lewin@yandex.ru

В 90-е гг. XIX в. в российских земских губерниях проводились оценочные работы по определению доходности земель сельскохозяйственного назначения, а также недвижимого имущества с целью обложения их земскими налогами. Начало этим исследованиям было положено изданием 8 июня 1893 г. закона «Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами», который поставил проведение земских статистических работ под контроль правительства. В статье рассматриваются основные положения закона, отношение к нему земских статистиков, создание в губерниях и уездах специальных оценочных комиссий.

Ключевые слова: губерния, закон, земство, недвижимое имущество, оценочные работы, статистика, уезд.

«Rules of an Estimation Immovable Property for Taxation by Zemstvo Gathering» on June, 8th, 1893 and Change of Problems of Zemstvo Statistics

S. V. Lyovin

In the 90s of the XIX century in Russia's zemstvo gubernias appraise work was being done on determining the earning power of the lands intended for agriculture, and also real estate for the purpose of imposing zemstvo taxes. The foundation for that research was laid by ordaining the law «Rules of assessment of real estate for imposing zemstvo fees» on June 8, 1893 which put the performance of zemstvo statistical work under government control. The article deals with the basic issues of the law, the way zemstvo statisticians treated it,